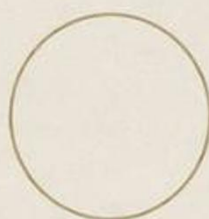

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Дмитрий Владимирович Энсти

Дмитрий Энсти

Единственное число

«Автор»

2026

Энсти Д. В.

Единственное число / Д. В. Энсти — «Автор», 2026

Что делает человека одним и тем же человеком на протяжении жизни? Илья строит будущее по точному плану — и однажды понимает, что больше не хочет жизни, которую сам выбрал. Марта находит письмо от своей двадцатидвухлетней версии. Юсуф замечает, что на разных языках становится разным человеком. Вера после тридцати четырёх лет работы впервые пытается жить для себя. Другие герои ищут подлинность в памяти, поступках, свободе, чужом взгляде и даже в слоях старой картины. Десять связанных историй складываются в философско-психологическую повесть о личности, выборе и ответственности. Возможно ли сохранить единственного «настоящего себя» — или человек проживает несколько жизней, из вежливости называя их одной?

© Энсти Д. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Единственное число

Глава

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Дмитрий Энсти

Часть первая

Имена

I. Илья

План занимал одну страницу.

Илья намеренно ограничил себя одной страницей: всё, что не умещалось, казалось ему недостаточно продуманным. Вверху он написал дату, ниже — три слова: «Работа», «Языки», «Место жизни». Потом провёл четыре вертикальные линии и разделил лист на пять лет.

Он сидел в почти пустом кафе возле университета. За окном снег, смешанный с дождём, превращался на тротуаре в серую воду. Люди входили, стряхивали капли с плеч и сразу смотрели в телефоны, словно за время на улице мир мог успеть изменить условия.

К двадцати трём годам Илья пришёл к выводу, что большинство людей живёт не той жизнью, которую выбрало, а той, которая постепенно получилась. Соглашаются на временную работу и остаются там семь лет. Снимают квартиру подешевле, а потом знают наизусть дорогу до станции и уже не представляют другого района. Откладывают язык, поездку, разговор, развод, ребёнка. Каждый день выглядит отдельным случаем; вся жизнь задним числом приобретает вид стратегии.

Илья считал это формой безответственности.

Человек, думал он, отличается от обстоятельств способностью заранее выбрать направление. Не обязательно знать каждую остановку, но необходимо понимать, в какую сторону движешься. Иначе даже успех будет случайным, а случайный успех ничем не лучше неудачи: он тоже не принадлежит тебе.

На первый год была запланирована работа в международных поставках. На второй — английский без внутреннего перевода. На третий — второй язык. На четвёртый — международный проект. На пятый — либо работа за границей, либо небольшое дело, связанное с внешней торговлей.

Рядом с каждым пунктом он поставил измеримый признак. Не «улучшить английский», а «провести переговоры без подготовленного текста». Не «получить опыт», а «самостоятельно закрыть три поставки». Желание, которое нельзя проверить, казалось ему способом заранее простить себе неудачу.

Он положил карандаш параллельно краю страницы и подвинул ногтем на несколько миллиметров.

— Ты правда думаешь, что будешь хотеть того же через пять лет? — спросила Лена.

Она сидела напротив и читала план, подперев подбородок ладонью.

— Не обязательно.

— Тогда зачем план?

— Чтобы понимать цену изменений.

— Это как?

— Любой выбор — отказ. Просто обычно человек видит только то, что выбрал. А потом ему кажется, что всё остальное исчезло само.

Лена посмотрела на него с выражением, которое он принимал за уважение, хотя иногда подозревал, что это была усталость.

— Ты всё превращаешь в систему.

— Иначе система получается сама.

— А я где?

Илья взглянул на лист. Отдельной графы для Лены не было. Он мог сказать, что отношения подразумеваются, что их нельзя планировать как повышение или переезд, что отсутствие слова не означает отсутствия человека. Все ответы были верными и ни один не отвечал на вопрос.

— Ты не графа, — сказал он.

— Очень утешительно.

Она улыбнулась, но план вернула.

Через два месяца Илья устроился в компанию, занимавшуюся промышленным оборудованием. Работа соответствовала первому пункту точнее, чем он ожидал. Он сравнивал коммерческие предложения, уточнял маркировки подшипников, спорил о сроках изготовления, проверял условия поставки и писал письма людям, чей рабочий день начинался на несколько часов раньше.

В первые недели он возвращался домой поздно и с удовольствием. Усталость подтверждала движение. Утром он входил в здание одной версией себя, вечером выходил немного более подготовленной.

Начальник заметил его внимательность.

— У тебя хорошее качество, — сказал он однажды. — Не бросаешь задачу, пока не разберёшься.

Илья поблагодарил и сразу почувствовал тревогу. Последние несколько дней он откладывал письмо поставщику: не хотел снова выяснять, чем одна маркировка отличается от другой. Начальник видел его таким, каким он был неделю назад. Возможно, люди вообще продолжали видеть друг в друге свойства, которые уже закончились.

Первая командировка пришлась на февраль. В самолёте Илья открыл сохранённый план. Первый год. Международные поставки. Переговоры. Возможность роста. Всё происходило в нужной последовательности.

Он ожидал удовлетворения, но почувствовал только лёгкое смущение, словно нашёл старую фотографию, на которой слишком старательно изображал серьёзность.

Встреча прошла хорошо. За прозрачными стенами переговорной люди проходили с бумажными стаканами. Илья задавал точные вопросы, делал пометки, вовремя вспомнил о сертификате, который остальные упустили, и видел, что производит правильное впечатление.

Вечером он вернулся в гостиницу. Комната была чистой и безличной. На столе стояла бутылка воды, на кровати лежало покрывало цвета мокрого песка. Илья включил верхний свет и сразу выключил: при нём комната выглядела слишком законченной.

Он снова открыл план.

Ошибок не было.

Это удивило сильнее, чем если бы план оказался наивным. Он мог бы посмеяться над собой, если бы написал, что через пять лет станет знаменитым, богатым или счастливым. Но цели были осторожными. Последовательность — разумной. Риски — учтёнными.

Он всё ещё считал, что такая жизнь хороша.

Он просто больше не хотел её.

Сначала Илья решил, что устал. Потом — что испугался. Любое сильное решение, рассуждал он, вызывает сопротивление. Дисциплина для того и существует, чтобы поступки не зависели от колебаний.

Он открыл таблицу с расчётом доставки, проверил цифры, закрыл. Прошёлся по комнате. Снова сел.

Если продолжать только потому, что этого хотел прежний Илья, чью волю он будет исполнять?

Того человека не было в комнате.

Осталась память о его убеждённости, несколько сделанных шагов, запись на одной странице и обязательства, возникшие из решений, которые когда-то казались собственными.

Илья попытался вспомнить ощущение, с которым писал план. Не мысли — мысли сохранились. Он мог повторить каждый аргумент. Но источник их очевидности исчез, будто ему оставили подробную инструкцию к прибору, которого больше не существовало.

Можно было сказать, что прежний Илья ошибался. Тогда порядок восстановился бы: существовал бы один настоящий Илья — нынешний, более опытный, заметивший ошибку.

Но прежний Илья не заблуждался в собственных желаниях. Он действительно хотел этой жизни. Не подчинялся родителям, не доказывал что-либо однокурсникам, не притворялся перед Леной.

Илья тогда не лгал.

Именно это делало перемену невыносимо точной.

Он подошёл к окну. В доме напротив горели десятки окон. В одном человек ходил из комнаты в комнату с телефоном у уха. В другом женщина снимала бельё с сушилки. На несколько секунд Илье показалось, что каждый освещённый прямоугольник содержит отдельное объяснение жизни, и человек внутри непрерывно поддерживает собственную версию того, почему живёт именно так.

Он позвонил Лене.

— Ну как? — спросила она.

— Хорошо. Договорились по срокам.

— Я не про встречу.

Илья молчал.

— Ты там? — спросила Лена.

— Да.

Он мог сказать: «Я, кажется, больше этого не хочу». Она спросила бы: «А чего ты хочешь?» И тогда пришлось бы придумать новое направление, чтобы объяснить исчезновение старого.

— Всё по плану, — сказал он.

После разговора эта фраза осталась в комнате дольше её голоса.

На следующий день Илья провёл вторую встречу, задал вопросы, записал ответы и договорился отправить документы к четвергу.

Вернувшись в Москву, он продолжил работать.

План остался в телефоне. Он не удалял его, потому что удаление выглядело бы новым решением, а Илья пока не знал, кто именно должен его принять.

II. Марта

Письмо было написано зелёными чернилами.

Марта нашла его между томом стихов и университетской хрестоматией, которую собиралась отнести в букинистический магазин. Раньше ей казалось неприличным продавать книги. Теперь квартира была слишком мала, а книги слишком долго стояли закрытыми. Некоторые она не открывала больше двадцати лет. Владение ими стало не чтением, а заявлением, адресат которого давно ушёл.

Она села на пол возле шкафа. За окном звякнул трамвай; с Мотлавы тянуло сыростью, хотя реки отсюда не было видно. На пожелтевшем листе расплылась одна капля. Марта не пом-

нила, была ли это вода, чай или слеза, и сразу почувствовала раздражение: прошлое требовало выбрать красивый вариант.

Почерк был её, но принадлежал человеку, которого Марта не сразу узнала.

«Самое страшное, — писала двадцатидвухлетняя Марта подруге, — не предать убеждения. Самое страшное — однажды научиться так разумно объяснять предательство, что оно покажется зрелостью».

Она перечитала предложение дважды.

Фраза была слишком хороша. Молодая Марта наверняка переписывала её начисто, выбирала порядок слов, зачёркивала менее точные варианты. Даже в частном письме она уже редактировала себя для будущего читателя.

В комнате работало радио. Диктор говорил о новых правилах оформления грузов через порт. Марта машинально запомнила номер постановления, затем выключила звук.

Последние шесть лет она работала в небольшой таможенной фирме в Гданьске. До этого преподавала литературу. Её жизнь разделилась не войной, не разводом и не болезнью, а изменением того, что считалось полезным.

В университете платили мало и нерегулярно. Фирме требовался человек, способный работать с текстами, заполнять документы и разговаривать с иностранными клиентами. Марта согласилась временно. Через год перестала произносить это слово.

Она научилась отличать важные ошибки от тех, которые можно исправить позднее. Научилась не спорить с человеком только потому, что он произнёс глупость. Научилась считать деньги до разговора о принципах и не считать это унижением.

Молодая Марта назвала бы это приспособлением.

Нынешняя называла опытом.

Письмо лежало на коленях, и ни одно название не выдерживало второго чтения.

Она помнила день, когда писала. Комната в общежитии, чайник с обгоревшей ручкой, соседка, сушившая чулки над батареей. Кажется, шёл дождь. Кажется, подруга собиралась выйти замуж за человека, которого Марта считала трусом. Или это был другой разговор, из другого письма.

Марта закрыла глаза.

Общежитие.

Зелёная ручка.

Дождь.

Три предмета на пустой сцене.

Где стояла кровать? Какого цвета были стены? Что находилось справа от двери? Как звучал голос подруги? Марта могла восстановить аргументы молодой женщины и даже защитить их лучше, чем та сама. Но не могла вернуть их обязательность.

Телефон зазвонил до того, как закипела вода.

— Pani Marto? Простите, что поздно. У нас проблема с кодом товара.

Звонил молодой сотрудник фирмы. Марта включила компьютер, нашла декларацию, попросила его прочитать описание по-польски, затем по-английски. В одном варианте товар был частью машины, в другом — самостоятельным устройством. От одного существительного зависела ставка.

— Поставьте код из второй группы, — сказала она. — И приложите технический лист. Иначе утром всё вернут.

— Не знаю, что бы мы без вас делали.

Она почувствовала привычное удовольствие. И сразу вслед за ним — страх.

Все считали её надёжной. Никто не знал, что последние месяцы она всё чаще смотрела на экран и хотела встать, надеть пальто и не возвращаться. Это желание не имело адреса. Ей хотелось не уйти куда-то, а перестать совпадать с женщиной, которую здесь знали.

После звонка Марта вернулась к письму.

На полях молодой почерк добавлял: «Не позволять обстоятельствам говорить моим голосом».

Марта усмехнулась. За последние годы обстоятельства научились говорить её голосом без акцента.

Она поставила чай на стол и решила прочесть письмо вслух. На второй странице обнаружилась смешная жалоба на преподавателя, на третьей — список книг, которые «необходимо прочесть до тридцати». Несколько названий Марта забыла. Одно произведение, которым молодая она восторгалась, нынешняя считала невыносимо самодовольным.

Живой голос письма мешал превратить его автора в символ. Девушка была не только смелой или наивной. Она была завистливой, внимательной, жестокой, смешной. В одном абзаце защищала верность принципам, в следующем просила подругу прислать дефицитную косметику.

Марта почувствовала облегчение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.